

УДК 008**Имидж Китая в современной русской литературе: на примере
Пелевина****Ван Мэн**

Студент,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199155, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Капитанская, 3;
e-mail: 15901537746@163.com**Аннотация**

Статья посвящена анализу формирования имиджа Китая в произведениях Виктора Пелевина как представителя литературной дипломатии в контексте развития китайско-российских отношений с 1990-х годов. Автор рассматривает творчество писателя через призму четырех основных направлений: философских концепций (включая отсылки к дзен-буддизму и метафизике), постмодернистских черт в литературе, критики советского и российского общества, а также творческого осмысления восточной культуры. Научная новизна исследования заключается в систематическом подходе к анализу китайских мотивов в произведениях Пелевина, что позволяет преодолеть фрагментарность предыдущих работ. В статье проводится сравнительный анализ отношения к Китаю в русской литературе того периода, демонстрируя уникальность авторского видения Пелевина. Практическая значимость работы состоит в доказательстве роли литературных произведений как инструмента межкультурного диалога и дипломатических отношений. Исследование показывает, как через художественные образы формируется представление о Китае в российском обществе. Структура работы включает введение, три основные главы и заключение, что обеспечивает комплексный подход к изучаемой проблеме. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения влияния литературы на межкультурную коммуникацию и развитие дипломатических отношений между странами.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Мэн. Имидж Китая в современной русской литературе: на примере Пелевина // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 3А. С. 105-117.

Ключевые слова

Виктор Пелевин, образ Китая, литературная дипломатия, современная русская литература, китайско-российская дипломатия.

Введение

Произведения Пелевина, как представителя современной русской литературы, имеют уникальную исследовательскую ценность в отношении образа Китая, построенного через русскую перспективу. Наследуя традиции реализма в русской литературе, он глубоко осмысливает путь национального развития после распада Советского Союза с помощью элементов восточной культуры.

Международные исследования о Пелевине в основном сосредоточены на характеристиках постмодернистской литературы, например «Виктор Пелевин и литературный постмодернизм в постсоветской России», где отмечается творческое использование им мотивов китайской культуры. Отечественные исследования, напротив, носят преимущественно геополитический характер, фокусируясь на образном построении китайских образов, таких как «Страна философов», в его произведениях. Эти исследования показывают, что элементы китайской культуры в произведениях Пелевина не только содержат художественное суждение, но и отражают отпечаток основной русской культуры, формируя уникальное кросс-культурное выражение в воспроизведении национальных символов, таких как «Мессия».

Глубокий анализ китайских элементов в произведениях Пелевина помогает понять механизм принятия и культурных различий в межкультурной коммуникации, является откровением для изучения современной литературы и развития китаеведения за рубежом. С точки зрения литературной дипломатии, подобное построение образа - это не только передача культурных ценностей, но и особый канал для знакомства международного сообщества с Китаем. Благодаря художественному конструированию образа заграницы литературные произведения не только способствуют культурному взаимопониманию, но и предоставляют культурные ориентиры для оптимизации дипломатических стратегий и способствуют разностороннему развитию китайской дипломатии.

Инновационность данной работы отражена в основном в двух аспектах: концептуальная инновация и методологическая инновация. С точки зрения концептуальной инновации, в данной работе проводится глубокое и систематическое обсуждение образа Китая в произведениях Пелевина, ломается традиционная исследовательская парадигма, китайские элементы в произведениях рассматриваются как самостоятельный и важный объект исследования, а не просто как текстовый фон или вспомогательная роль. Скрупулезно суммируя и обобщая различные работы, посвященные образу Китая в произведениях Пелевина, данная статья предлагает новую перспективу понимания образа Китая в русской литературе.

С точки зрения методологических инноваций, в данной работе используется междисциплинарный метод исследования, объединяющий теории и инструменты ряда дисциплин, таких как литературный анализ, культурология, дипломатия и т. д., для всестороннего анализа образа Китая в произведениях Пелевина. В ходе исследования широко читается соответствующая литература, объективно и беспристрастно рассматривается повторяемость китайских элементов в произведениях Пелевина, делается попытка выявить их культурное значение и подоплеку времени.

Статья посвящена анализу понимания и интерпретации китайской культуры группой современных русских писателей, представленных Пелевиным, и обсуждению того, как они создавали и распространяли образ Китая через свои литературные произведения. Анализируя историю развития культурной дипломатии между Китаем и Россией, авторы статьи утверждают, что образ Китая в литературных произведениях играет важную роль в развитии китайско-

российских литературных обменов и культурного взаимопонимания. Особенно в контексте китайско-российской культурной дипломатии, статья указывает на то, что литературная дипломатия как вид мягкой силы, через образ Китая в произведениях писателей, способствует повышению роли литературной дипломатии.

Исследование китайских образов в русской литературе

Китайскую культуру в русской литературе можно проследить до XVII века. Однако на начальном этапе находятся впечатления, которые Китай оставил в России [Цзя, 2018]. Только благодаря путевые заметки и отчётам посланников, таким как «Бюллетень о территории Китая» «Путевой дневник» «Летопись Китая», можно было узнать о географии, политике, экономике и других аспектах жизни в Китае. Однако из-за того, что количество рукописных манускриптов составляло всего 40 экземпляров поэтому представления масс о Китае были расплывчатыми и ограниченными.

В начале XVIII века реформы Петра I привели к вестернизацией России. Представители высшего общества России стали изучать французский язык. Идеологическая сфера была пропитана идеями европейского, особенно французского, Просвещения. В XVII и XVIII веках во французской литературе был создан удачный образ древнего Китая. Позднее, по мере расширения обменов и сотрудничества между Китаем и Францией, появились профессиональные китаеведы. Имидж Китая в русской литературе становился всё более разнообразным и самобытным.

В XIX веке «эпоху застоя» и «желтая чума», созданные западным обществом, оказали большое влияние на восприятие Китая русскими людьми и в то же время сильно повлияли на взгляды русских писателей на Китай. В «Евгении Онегине», первым образом Китая являются фарфор и шёлк. «К прекрасной давнишней» — Великая китайская стена как символ «далекой страны» «К Наталье» — «далекая страна». «К Наталье», обращенное к крепостной актрисе Наталье, в котором Пушкин описывает «вежливых китайцев». В книге «Кругосветное путешествие Ивана Гончарова», китайцы описаны как равнодушные к религии, уму. Описание китайцев как мягких и вежливых является иронией к бесчувственному отношению британских и американских захватчиков, но в целом картина негативная.

В XX веке обмены между Россией и Китаем становились более тесными, а дискуссии об образе Китая расширялись и углублялись. Обсуждались в основном такие темы, как таинственный цвет Востока, предрассудки традиционных представлений, китайско-российская дружба в разгар войны и формирование образа нового Китая. Выражение китайских элементов больше не является единичным, а постепенно обогащается и конкретизируется, становясь неотъемлемой частью создания образа Китая.

Писатели «поколения 40-х» контролируют направления в российской литературной сфере, полные сил и завоевавшие авторитет в своей области. Их художественный талант признан официальными властями, а также отечественными и зарубежными литературными кругами [Лю, Чэнь, 2016]. Такие писатели, как Виктор Виктор Пелевин, Евгений Николаевич Прилепин и другие, помнящие Советский Союз, понимающие установление дипломатических отношений Китая с СССР и Россией, наблюдающие развитие страны после образования нового Китая. Это группа писателей, чьи произведения по-новому рисуют имидж Китая перед людьми всего мира.

В романе Аматуни Симонович Вардапетяна «Ночной путешественник при свечах» описана важная сцена, в которой Ли Бай пишет предсмертное письмо своему сыну, а позже вспоминает

жизнь “бессмертного в поэзии” Китая. В повесть “Возвращение в Тай-бо” С. Толопцев представляет себе возвращение Ли Бая в лучший мир [Чэнь, 2018]. В повесть “Возвращение в Тай-бо” С. Толопцев представляет себе возвращение Ли Бая в лучший мир. Роман Ф. Искандера “Сандро из Чегема”, в котором он повествует о “саге” победы посланцев китайского императора над русскими правителями, является отражением начала трансформации образа Китая в русской литературе.

Виктор Пелевин родился во второй половине XX века. В своих произведениях он искусно использует элементы китайской культуры, чтобы через уникальные символы анализировать общественные явления, происходящие в ССЕР и РФ. Он создаёт атмосферу экзотической культуры, формирует особую культурную среду и привносит восточное восприятие в русскую литературу. Его многогранный и уникальный имидж Китая объединяется философией, религией и историей, интерпретируя китайскую культуру и отражая российское восприятие Китая. деконструктивизм предоставляют новый взгляд на изучение международного.

Часть, посвященная древнекитайской философии в работах Виктор Пелевина

“Свящённая книга оборотня” объединяет конфуцианские идеи и концепции пространства и времени. Описывает духовный искания А хули в процессе её совершенствования. Книга предупреждает, что поглощая жизненную силу других, не следует поддаваться жадности, чтобы не навлечь на себя негативные последствия. Инь-Ян становится отчётливо чёрно-белым, А хули своевременно разрывает энергетическую связь, заставляя исчезнуть магический круг. Этот поступок демонстрирует приверженность А хули умеренности и гармонии с природой согласно конфуцианским принципам, отражает её склонность к самоанализу и глубоко воплощает основа золотой середины, почитаемый в конфуцианстве.

“Срединное и неизменное” в культивировании личности является честным с самим собой, которое перекликается с процессом культивирования Лиса. Джентльмен должен постоянно самосовершенствоваться, чтобы сохранять достойное поведение даже в условиях, когда за ним никто не наблюдает и не сдерживает его. Лис, как говорил Ницше.

Конфуций говорил: “Если джентльмен учится у мира и совершенствует себя, он будет действовать без ошибок”. А Хули, мудрый персонаж, следует этому принципу, практикуя конфуцианское самосовершенствование. Ежедневная медитация и самоанализ помогают ей выявлять и исправлять моральные недостатки. Она признаёт животную природу как часть себя и важную силу для роста, но использует её рационально, чтобы укрепить волю и контроль. Не отрицая и не потакающая своей природе, она находит баланс, что способствует её духовному росту, зрелости и силе разума.

Другой конфуцианский труд, “И-цзин”, появляется в “Числах” Виктор Пелевина, включающем элементы китайского Предсказание, и число “34”, которое предпочитает главный герой Сюппа, отражено в ряде вещей: “Билеты были куплены за тридцать четыре минуты до начала фильма [Пелевин, 2003] “Только четыре имеют четко видимый зеленый цвет, семь—синий, а три—слабый след оранжевой краски на центральном выступе”. Герой нового романа Виктор Пелевина “Числа” — бизнесмен Степа. Число 34 связано с 34-й гексаграммой “И Цзин”, гексаграммой “Дачжан”, которая появилась во сне, и название первого фильма также названо в честь числа “Дачжан” [Ван, 2003].

История “Мечта о бабочке” взята из книги. В “Чжуан-цзы”, которая указывает на

философскую идею “Ци У” в виде “различия между сном и бодрствованием”. В работе Виктор Пелевина границы между внутренним и внешним сном, разница между людьми и животными. Отрицая границу между реальностью и фантазией, Виктор Пелевин еще больше отвергает реальность всего сущего и в конечном итоге приводит к небытию. В истории четыре эпилоги: После пробуждения с благодарностью попрощаться и уйти из жизни, которая была короткой. Осознать, что жизнь подобна сну, и в конце концов покинуть этот мир. Отправиться следом за бессмертным, чтобы оберегать цветок и попасть в новый мир. Понять, что мир грёз — это муравейник, и больше не рассуждать о сновидениях и реальности.

Как выдающийся представитель даосской мысли, Люй Дунбинь играет ключевую роль в сюжете “Легенда о Хуанляне”, главная миссия которого—вести смертных к просветлению и помочь им увидеть иллюзии мира, чтобы отбросить привязанность к заслугам [Ван, 2013]. Поэтому появление даосской идеей надежды. В произведениях Виктор Пелевина “Подушка в подушке” и “Сон о Ханьдане” фигура Лу Дунбиня включена в сюжет: он либо просвещает и учит мудрости обреченных, либо ведет их на сказочный остров Пэнлай. Он направляет людей на поиски необычного мира.

В “Священной книге оборотня” раскрываются философские концепции “субъекта” и “объекта”. Восприятие представлено как “чистый опыт” — априорное состояние, не зависящее от внешнего мира, но лежащее в основе всего, включая физические объекты и ментальные структуры. Бытие вещей сводится к их воспринимаемости, а трансформация возможна либо как восприятие изменений, либо как изменение восприятия.

Виктор Пелевин интегрирует даосскую идею “Путь” в сюжет и характер главного героя “Свящённая книга оборотня”. Анализируя древние философии, мы приходим к выводу, что А Хули—это воплощение восточной философии. Согласно даосской философии, все во Вселенной создано высшим А Хули. В книге “Дао дэ цзин” Лао-цзы говорит: “Дао рождает одно, одно—два, два—три, а три—все вещи”. Это показывает процесс порождения всего от отсутствия полюсов до всего, где все несет в себе полюса инь и ян, а инь и ян взаимодействуют и сливаются друг с другом, образуя состояние гармонии и единства. Под влиянием этой философской мысли стиль культивирования А Хули перекликается.

В “Чапаев и Пустота” использует Питер — пистолет-глиномёт. Глина символизирует “землю”, которая соединяется с “водой”. Пламя, извергаемое из дула пистолета, представляет собой “огонь”, а его способность сметать всё на поверхности названа Шаоянем “ветром”. Самое раннее записанное о теории У-син относятся к концу периода Чуньцю, они содержатся в трактате “Гуань-цзы”, составленном учёными из Академия Цзися. А вот “Цзо чжуань” впервые предложил последовательность взаимного доминирования элементов, это произошло уже на исходе периода Чуньцю. Объединение китайского искусства работы с пятью элементами с этой историей создаёт удивительную смесь Дзэн и древнекитайской философии.

Часть работы Виктор Пелевина о китайской религиозной мысли

Александр Генис называет “Чапаева и Пустоту” первым в России дзен-буддистским романом”, в котором есть фраза “Мир—это фантом” и сходство с высказыванием буддийского мастера Хуинэна “У бодхи нет дерева”. Название “пустота” происходит от русского слова “Пустота” в противоположность санскритскому слову “*sunyatā*”.

В “Чапаев и Пустота” буддийская диалектика пустоты и форма получила более доступную

интерпретацию. Будь то чаши и змеи, образованные взаимозависимостью воды и вина, или чередование фантазии и реальности в психиатрической больнице, или мизинец Будды и глиняный пулемет—все они наглядно демонстрируют глубокий смысл “пустоты”. Эти сцены—конкретная интерпретация буддийской концепции “пустоты”, раскрывающая сущностную пустоту за феноменальным миром.

Точно так же дзенская мысль После того как А Хули раскрывает тайну любви, появляются идеи, похожие на философию дзэн-буддизма, что мир—это она сама, и отправляется в путешествие, чтобы найти себя. И снова мир—это пустота, и также в разговоре с Александром кольцо дыма, хотя и мимолетное, и в то же время его рассеивание—это своего рода предельная пустота. Доктрина праджни, согласно которой “пустота”—это не только “пустота видимости”, но и “пустота” в природе вещей, подчеркивает, что независимо от того, дискретны ли составные элементы вещей или нет, они остаются Пустыми” [Чжэн, 2008]. Именно об этом говорится в книге: “форма есть пустота, пустота и есть форма”.

В “Свящённая книга оборотня”, мастер Вонг тихо шепчет заключительные слова “Праджня Парамита Хридая Сутра”. При этом звуке обручи на запястьях А хули растворились, превратившись в два скомканных обычных листа, что намекает на роль “Сутры сердца” в достижении цели преодоления страданий. В то время как в сердцах Лиса и Александра поднимались волны, санскритские слоги безмолвно успокоили все колебания ума.

Описание процесса самосовершенствования действий Лиса похоже на “буддийские практики”, которая очень похожа и является обязательной практикой в дзэн-буддизме. В Свящённая книга оборотня упоминается, что в конце концов Лис находит в Радужный Поток, а в “Числах Виктор Пелевина” говорится, что “в конце этого пути ты можешь стать радугой” [Пелевин, 2003]. В конце вашего путешествия снова утверждается состояние Радужный Поток. Радужный Поток относится к тому, что когда монах, достигший очень высокого уровня культивирования, уходит из жизни, его физическое тело превращается в радугу и уходит в бесконечный дворец того, что в буддизме называется Чистой землей пустоты, что очень близко к поискам, пропагандируемым буддизмом Чистой земли.

Так что же такое “радужный поток” с точки зрения буддийской философии? Считается, что полностью реализованные практикующие умеют растворить физическое тело в момент смерти. С помощью особых практик, человек может достигнуть так называемого радужного тела, когда физическая оболочка постепенно уменьшается и растворяется в радужный свет, в результате чего остаются только волосы и ногти. Таким образом они переходят в нирвану.

Главная тема “сформулировав так: видимый мир – это только мое впечатление, представление моего ума. Поэтому ум нужно сделать чистым, а лучше – пустым” [Лю, 2008]. Именно так Виктор Пелевин объясняет китайским читателям дзенскую концепцию жизни и смерти [Дзэнская концепция жизни и смерти, 2024].

Виктор Пелевин много изучал даосизм, что в большей степени представлено в его творчестве, в работе Виктор Пелевина “Ампи В” вампиры поддерживают себя, посасывая баболо, эту трансформацию и поток энергии можно рассматривать как символ отношений между пятью элементами. “Гламур и дискурс – это два главных искусства”, как инь и ян. Явление взаимодействия инь и ян, чередования чёрного и белого по своей сути представляет собой дыхание гармонии инь и ян. Это основа “области гармонизации ци”, которая регулирует погоду и поддерживает баланс между инь и ян.

Обращение к древнекитайским литературным элементам в творчестве Виктор Пелевина

В книге “Свящённая книга оборотня” “Мы, лисы, не рождались, подобно людям. Мы происходим от небесного камня и состоим в отдаленном родстве с самим Сунь Укун, героем “Путешествия на Запад”. Этот абзац точно описывает происхождение Сунь Укун в одном из Четыре классических романа Китая. Также на “Путешествие на Запад” ссылается “Generation“П””, в котором приводится сравнение между историей “Путешествия на Запад” о поисках священного писания Танским монахом и социальными явлениями людей до и после распада Советского Союза. Книга похожа на “Путешествие на Запад”, но на самом деле есть различия. К концу путешествия Сунь Укун появляется все больше и больше того, что можно назвать человеческими чертами. А в этой книге, наоборот, чтобы приспособиться к новому обществу, человек должен упорно трудиться, чтобы приобрести многие обезьяньи черты [Лю, 2001]. Если в китайской версии путешествия акцент сделан на духовных поисках, то в русской — в основном на материальной выгоде, на стремлении сколотить состояние. Это произведение не только правдиво отражает повседневную жизнь современной России, но и одновременно показывает отчужденность современной российской интеллигенции.

Далее автор демонстрирует тесную взаимосвязь между деньгами как четвертым измерением, определяющим жизнь человека, и телевидением и рекламой как двумя важнейшими элементами современного общества. Вместе они конструируют однородность человеческого общества и создают виртуальный и нереальный мир, что создает интересный отголосок “Путешествия на Запад”. Гэ Хун из династии Восточная Цзинь писал то, что имена Старик из всех вещей, суть которых заключается во всем, способен принять человеческую природу, чтобы ослепить и запутать человеческий глаз, и часто мучает людей.

Только не может с помощью зеркала изменить свой истинный облик. То есть все вещи долго живут, могут стать сущностью, чтобы иметь возможность меняться [Чэнь, 2019]. А Хули не только имеет китайские мифологические элементы, но и ее собственные способности также отражают древнюю китайскую культуру концепции “вещи стареют и становятся сущностью”.

При описании А Хули хвост и пасть намеренно используются, чтобы запутать гендерные различия в человеческом понимании, добавляя метафизическую окраску и подчеркивая демонические атрибуты лисы А. История Ван Линьсяо, соблазненного лисой героиня, пересказывается в “Книге поиска богов” Гань Бао, которая является предшественницей “героиня”. Такой ретроспективный нарратив позволяет роману путешествовать сквозь время и пространство, разветвляться в других культурах, наделяя произведение экзотическим колоритом и исторической атмосферой [Chen, 2003].

Они не только описывают фукидидовскую форму китайских иероглифов, но и многое говорят о коннотациях этих символов. Духовные практики Лиса включают в себя “созерцание ума” и “созерцание сердца”. Кандзи, обозначающее “сердце”, имеет множество различных значений, и вместо ссылки на сердце, более точным будет название “созерцание сокровенной природы”, с утилитарной точки зрения правильнее всего называть эту технику “подергиванием хвоста”. С практической точки зрения правильнее всего было бы называть эту технику “подергиванием хвоста”.

Детали китайской сабли свидетельствуют о скрупулезном изучении и понимании Виктор Пелевиным китайской культуры “Перед эфесом находился круглый диск гарды из черного железа; сверкающий клинок был длинным и слегка изогнутым” [Пелевин, 2004]. В то же время

Петр, внимательно рассмотрев форму сабли, сразу же пришел к выводу, что это “не столько сабля, сколько восточный, точнее, китайский меч”, подробное описание Перегрином китайского меча выражает его любовь к китайской культуре. “Синий фонарь” используются китайские или восточные обычаи. Вывешивать перед дверью “синие фонари” означает, что кто-то в семье скончался и находится в трауре, создавая жуткую атмосферу с помощью света тишины и спокойствия [Лю, 2024].

Роман включает изображения Мао Цзэдуна, пьесу императора Цяньлуна, комаров и даосского учёного Чжан Саньфу, что демонстрирует авторскую интерпретацию исторических фигур и переосмысление культурных элементов. Присутствие некачественного китайского шочу (сорго-шочу) усиливает китайскую атмосферу. Такая детализация позволяет читателям глубже почувствовать обстановку и отражает тонкое понимание автором культурных особенностей.

Стоит отметить, что тема “Люй Дунбинь” Виктор Пелевина схожа с темой “Сон в красном тереме”, одного из Четыре классических романа. В период правления династии Южная Сун в сборнике странных новелл Лю Ицина впервые появляется тема “Волшебное изголовье”. Произведения Виктор Пелевина “Советская биография Тайшоу” “Подушка” “Биография Нанкэ Тайшоу” “Ханьдани” и “Сон в красном тереме” по тематике и структуре совпадают. В “Мечте о красных особняках” камень используется как “камера” для записи и изучения истории.

В работе Виктор Пелевина также используется схожая повествовательная техника: внутренний мир персонажей и сложность сюжета показаны через сны или фантазии. В обоих произведениях прослеживается трагическая тема. В “Мечте о красных особняках” Цзя Баоюй переживает во сне переплетенную историю любви, но, проснувшись, обнаруживает, что все вокруг пусто, показывая непостоянство и иллюзорность жизни. В работах Виктор Пелевина аналогичным образом изображается огромный контраст между сном и реальностью, позволяя героям ощутить глубокое чувство потери и пустоты, когда они просыпаются от своих снов.

Оба произведения выражают философию, выходящую за мира. В “Сон в красном тереме” Цзя Баоюй в конце концов прозревает и становится монахом, возвращается к природе и обретает внутреннюю чистоту и покой. Работа Виктор Пелевина также передает через переживания и осознания героев, что высшая цель жизни — преодолеть материализм и желания и вернуться к внутренней чистоте и невинности.

Кроме того, между двумя произведениями есть сходство в характеристике персонажей, сюжете и символизме. Например, оба произведения показывают социальную ситуацию через богатые групповые портреты персонажей, оба используют сложные сюжетные зацепки для развития истории, оба используют символику для углубления темы.

В литературном творчестве притворство является распространенным творческим приемом. Этот прием делает произведение более загадочным, реальным и привлекательным, а также позволяет писателям свободнее выражать свои мысли и чувства в процессе творчества. В литературной сокровищнице Китая роман “Троецарствие” писателя династии Мин Ло Гуаньчжуна получил название “Сань-го чжи” Чэнь Шоу, что сделало роман более историчным. Другой пример — рассказ Лу Сюня “Записки сумасшедшего”, в котором персонаж сумасшедшего повествуется от первого лица, но на самом деле именно Лу Сюнь выражает свою критику общества через точку зрения сумасшедшего. “Сон в красном тереме” также был написан Цао Сюэцинем под чужим именем.

Под именем Чингисхана и председателя фронта полного освобождения буддизма в начале статьи было продемонстрировано буддистское пространство пустоты. Являясь

фрагментированной и абсурдной историей какого-то кошмара, она также отражает социальные реалии переходного периода в России.

На основе общего понимания и осмысления творчества Виктор Пелевина мы разберем и обобщим российские, китайские и западные исследования, посвященные восточно-западным аспектам творчества Виктор Пелевина. Виктор Пелевин стремится к деконструкции существующего социального порядка, сознательно разрушая границы между элитарной и популярной литературой, с явной тенденцией к сближению с популярной литературой и “сублитературой” [Лю, 2024].

В русской литературе связан Имидж Китая с мейнстримом собственных духовных конструктов. В творчестве Виктор Пелевина сочетаются философские и религиозные элементы Востока и Запада, а также стили постмодернизма и сюрреализма. В творчестве Виктор Пелевина Китай обладает таинственной и древней атмосферой, это место превратностей истории и глубоких традиций, с беспредельным культурным наследием и богатыми мифами и легендами. Через изображение Китая, Виктор Пелевин исследует глубинные вопросы человеческой природы, Вселенной и бытия, одновременно показывая смешение и столкновение восточной и западной культур.

“Более чем уместно награждать орденом Дружбы людей, занимающихся литературой и культурой, а литература—лучшее отражение дружбы, чем политика или бизнес”. В 2016 году Лю Вэньфэй выдвинули идею “китайско-российской литературной дипломатии”, основываясь на том, что Китай и Россия являются традиционными литературными державами, а русская литература добилась выдающихся успехов в мире и оказала большое влияние на китайское общество. В 2024 году исполняется 75 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. Также проводится “Год российско-китайской культуры”.

Обе стороны организовали ряд разнообразных проектов культурного обмена, что позволило ещё больше раскрыть потенциал сотрудничества в области культуры двух стран. Вместе они создают новое будущее для российско-китайского культурного взаимодействия. Литературная дипломатия имеет большое значение для китайской дипломатии: она не только является важной формой общения между народами разных стран и национальностей, но и играет незаменимую роль в укреплении взаимопонимания между людьми.

Рассказывая китайские истории, раскрывая культурные ценности, способствуя распространению литературы за рубежом и углубляя дружеские отношения между писателями из Китая и других стран, литературная дипломатия как важная часть культурной дипломатии преодолевает культурные барьеры, улучшает взаимопонимание между народами Китая и других стран, налаживает связи между государствами и способствует продвижению национальных интересов. Она является ключевым аспектом внешней политики Китая, помогая распространять культуру, способствовать международному пониманию и сотрудничеству, имеет стратегическое значение.

Результаты

Благодаря скрупулезной текстовой интерпретации мы четко очерчиваем траекторию эволюции образа Китая в литературных произведениях Пелевина в русской литературе. Выясняется, что существует очевидная взаимосвязь между формированием литературных образов и подъемами и спадами в отношениях между двумя странами, и что литературные произведения часто способны прорваться сквозь ограничения политического дискурса и установить прочную культурную идентичность на народном уровне.

Обсуждение

В ходе исследования были выявлены и некоторые существенные проблемы. Во-первых, необходимо усилить репрезентативность исследовательской выборки, а существующие текстовые анализы в основном сосредоточены на жанровом диапазоне романов, а также на итерациях обновления книг, новые книги еще не до конца изучены, и недостаточно внимания уделяется другим формам литературы, таким как поэзия и театр. Во-вторых, границы применения теоретической модели нуждаются в дальнейшей проверке, особенно когда речь идет о деликатных вопросах, когда эффект распространения литературных образов может быть мутирован. Кроме того, необходимо глубоко изучить вопрос о том, как перевести результаты исследования в плоскость практической дипломатической помощи.

Кроме того, необходимо более глубоко изучить вопрос о том, как трансформировать результаты исследования в практическую дипломатическую помощь.

Теоретическая значимость данного проекта заключается в рассмотрении общих черт и особенностей образа Китая в произведениях Пелевина, а также в обобщении образа Китая в современной русской литературе на основе произведений Пелевина. С формированием всеобъемлющего стратегического партнерства между Россией и Китаем культурная дипломатия была представлена в произведениях.

Актуальность представления культурной дипломатии в работах заключается в аргументации важной роли образа Китая в литературных произведениях в продвижении китайско-российских литературных обменов и культурного взаимопонимания. В частности, в контексте китайско-российской культурной дипломатии данный проект указывает на роль литературной дипломатии как мягкой силы, которая продвигается через образ Китая в произведениях авторов.

Заключение

Сопоставление пелевинского образа Китая и его отношения к Китаю с русскими писателями того времени позволяет отразить результаты систематического исследования образа Китая Пелевиным, показать широкий диапазон и глубину современных русских заимствований из китайской культуры, доказать значение литературных произведений и литературной дипломатии в продвижении китайской дипломатии.

Библиография

1. Цзя Сяоци. Имидж Китая в русской литературе первой половины XX века : дис. ... канд. филол. наук / Харбинский технологический институт. – Харбин, 2018. – 12 с.
2. Лю Сутейкина, Чэнь Айсян. Сталкеры и молодые историки—о влиянии советской литературы на молодых современных российских писателей // Русская литература и искусство. – 2016.
3. Чэнь Юаньюань. Имидж Китая в романах Сорокина : дис. ... канд. филол. наук / Хэйлунцзянский университет. – Харбин, 2018.
4. Пелевин В.О. Числа : роман. – М. : Эксмо, 2003.
5. Русская мечта китайца о Нанко—китайская народная сказка / пер. Ван Цзиньбо // Русская литература и искусство. – 2003.
6. Ван Шуфу. Восточные иллюзии в русской литературе: элементы китайской культуры в романах Виктора Пелевина // Динамика зарубежной литературы. – 2013.
7. Чжэн Юнван. Интерпретация буддийских элементов в “Ся Бояне и Пустоте” // Русская литература и искусство. – 2008.
8. Лю Т. Символический мир романа Виктора Пелевина “Желтая стрела” // Русская литература и искусство. – 2008.

9. Дзэнская концепция жизни и смерти: увидеть ум, увидеть природу и стать Буддой, страдая от неспособности избавиться от невежества. – 2024.
10. Лю Вэньфэй. Перегрин для китайских читателей // Динамика иностранной литературы. – 2001.
11. Лю Вэньфэй. Неустанные усилия для китайско-русской литературной дружбы // Партийное строительство. – 2024. URL: <https://www.people.com.cn>
12. Володкевич С.И. Современные условия и источники формирования цифровых навыков субъектов малого и среднего предпринимательства // Креативная экономика. 2020. Т. 14. №4. С. 485–496.
13. Демидов Н. В. Трудовое право: учеб. пособие для вузов / ред.-сост. Н. В. Демидов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 203 с.
14. Крымский А. И. Правовое регулирование трудовых отношений в субъектах малого предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 229 с.
15. Кузнецова Н. В., Золотарева Л.Г. Особенности документационного обеспечения работы с персоналом у субъектов малого и среднего предпринимательства // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 284–289.
16. Куренной А., Костян И., Хныкин Г. Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 10.
17. Парфенова Д. С., Перцева П. В. Зарубежный опыт цифровизации в социально-трудовых отношениях // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 9-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 14–20.
18. Пряженников М.О. Дифференциация локального правового регулирования в зависимости от масштаба предприятия // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 20 - 23.
19. Щербак С. С. Расширение дифференциации в трудовом законодательстве Российской Федерации в зависимости от объема предпринимательской деятельности работодателя // Право и экономика. 2017. № 10. С. 63–69.
20. Иванова Ж.Б. Интерактивный игровой процесс в преподавании юридических дисциплин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 9. – С. 40–43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/870007.htm>: (дата обращения: 01.02.2024).
21. Колесова Д.В., Харитонов А.А. «Игра слов: во что и как играть на уроках русского языка». С-П.: Златоуст, 2011 – с. 152.

China's Image in Contemporary Russian Literature: The Case of Pelevin

Van Men

Student,
Saint Petersburg State University,
199155, 3, Kapitanskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 15901537746@163.com

Abstract

This article examines the formation of China's image in Viktor Pelevin's works as an example of literary diplomacy within the context of Sino-Russian relations since the 1990s. The author analyzes the writer's works through four key dimensions: philosophical concepts (including references to Zen Buddhism and metaphysics), postmodern literary features, critique of Soviet and Russian society, and creative interpretations of Eastern culture. The study's academic novelty lies in its systematic approach to analyzing Chinese motifs in Pelevin's works, overcoming the fragmented nature of previous research. The article provides a comparative analysis of attitudes toward China in Russian literature of that period, highlighting the uniqueness of Pelevin's authorial perspective. The practical significance of the work demonstrates how literary texts serve as tools for intercultural dialogue and diplomatic relations. The research reveals how artistic imagery shapes perceptions of China in Russian society. Structured with an introduction, three main chapters, and conclusion, the

study offers a comprehensive approach to the subject. The findings may inform further research on literature's role in intercultural communication and the development of diplomatic relations between nations.

For citation

Van Men (2025) Imidzh Kitaya v sovremennoy russkoy literature: na primere Pelevina [China's Image in Contemporary Russian Literature: The Case of Pelevin]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (3A), pp. 105-117.

Keywords

Viktor Pelevin, image of China, literary diplomacy, contemporary Russian literature, Sino-Russian diplomacy

Referents

1. Jia Xiaoqi. (2018) Imidzh Kitaya v russkoi literature pervoi poloviny XX veka: dis. ... kand. filol. nauk. Kharbinskii tekhnologicheskii institut [The image of China in Russian literature of the first half of the 20th century: PhD dissertation]. Kharbin, 12 p.
2. Liu Suteikina, Chen Aisyan. (2016) Stalkery i molodye istoriki—o vliyanii sovetskoi literatury na molodykh sovremennykh rossiiskikh pisatelei [Stalkers and young historians—about the influence of Soviet literature on young contemporary Russian writers]. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian Literature and Art].
3. Chen Yuanyuan. (2018) Imidzh Kitaya v romanakh Sorokina: dis. ... kand. filol. nauk. Heilundzhianskii universitet [The image of China in Sorokin's novels: PhD dissertation]. Kharbin.
4. Pelevin V.O. (2003) Chisla: roman [Numbers: a novel]. M.: Eksmo.
5. *Russkaya mehta kitaetsa o Nanko—kitaiskaya narodnaya skazka* / per. Van Tszinbo (2003) [The Russian dream of a Chinese about Nanko—a Chinese folk tale / trans. Wang Jingbo]. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian Literature and Art].
6. Van Shufu. (2013) Vostochnye illyuzii v russkoi literature: elementy kitaiskoi kultury v romanakh Viktora Pelevina [Eastern illusions in Russian literature: elements of Chinese culture in Victor Pelevin's novels]. *Dinamika zarubezhnoi literatury* [Dynamics of Foreign Literature].
7. Zheng Yunwang. (2008) Interpretatsiya buddiiskikh elementov v “Sya Boyane i Pustote” [Interpretation of Buddhist elements in “Sya Boyane and the Void”]. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian Literature and Art].
8. Liu T. (2008) Simvolicheskii mir romana Viktora Pelevina “Zheltaia strela” [The symbolic world of Victor Pelevin's novel “The Yellow Arrow”]. *Russkaya literatura i iskusstvo* [Russian Literature and Art].
9. Dzenskaia kontseptsia zhizni i smerti: uvidet' um, uvidet' prirodu i stat' Buddoi, stradaya ot nesposobnosti izbavit'sya ot nevedeniya. (2024) [Zen concept of life and death: see the mind, see the nature and become a Buddha, suffering from the inability to get rid of ignorance].
10. Liu Wenfei. (2001) Peregrin dlya kitaiskikh chitatelei [Peregrine for Chinese readers]. *Dinamika inostrannoi literatury* [Dynamics of Foreign Literature].
11. Liu Wenfei. (2024) Neustannye usiliya dlya kitaisko-rossiiskoi literaturnoi druzhby [Relentless efforts for Sino-Russian literary friendship]. *Partiinoe stroitel'stvo* [Party Building]. URL: <https://www.people.com.cn>
12. Volodkevich S.I. (2020) Sovremennye usloviya i istochniki formirovaniya tsifrovyykh navykov sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Modern conditions and sources of digital skills formation for small and medium-sized enterprises]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 14(4), pp. 485–496.
13. Demidov N.V. (2023) *Trudovoe pravo: ucheb. posobie dlya vuzov* / red.-sost. N.V. Demidov [Labor law: textbook for universities / ed.-comp. N.V. Demidov]. M.: Izdatel'stvo Yurait.
14. Krymskii A.I. (2004) *Pravovoe regulirovanie trudovykh otnoshenii v sub"ektakh malogo predprinimatel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of labor relations in small enterprises: PhD dissertation]. Tomsk.
15. Kuznetsova N.V., Zolotareva L.G. (2018) Osobennosti dokumentatsionnogo obespecheniya raboty s personalom u sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Features of documentation support for personnel work in small and medium-sized enterprises]. *Aktivizatsiya intellektual'nogo i resursnogo potentsiala regionov: Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Activation of intellectual and resource potential of regions: Materials of the IV All-Russian scientific-practical conference], pp. 284–289.
16. Kurennoi A., Kostyan I., Khnykin G. (2017) Tsifrovaya ekonomika Rossii. Elektronnoe deloproizvodstvo trudovykh otnoshenii [Digital economy of Russia. Electronic document management of labor relations]. *EZh -Yurist* [Lawyer], 37,

- p. 10.
17. Parfenova D.S., Pertseva P.V. (2019) Zarubezhnyi opyt tsifrovizatsii v sotsial'no-trudovykh otnosheniyakh [Foreign experience of digitization in social and labor relations]. Issledovanie innovatsionnogo potentsiala obshchestva i formirovanie napravlenii ego strategicheskogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei 9-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Research of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development: collection of scientific articles of the 9th All-Russian scientific-practical conference with international participation], pp. 14–20.
 18. Pryazhennikov M.O. (2016) Differentsiatsiya lokal'nogo pravovogo regulirovaniya v zavisimosti ot masshtaba predpriyatiya [Differentiation of local legal regulation depending on the scale of the enterprise]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor Law in Russia and Abroad], 4, pp. 20–23.
 19. Shcherbak S.S. (2017) Rasshirenie differentsiatsii v trudovom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii v zavisimosti ot ob"ema predprinimatel'skoi deyatel'nosti rabotodatelya [Expansion of differentiation in the labor legislation of the Russian Federation depending on the volume of the employer's entrepreneurial activity]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 10, pp. 63–69.
 20. Ivanova Zh.B. (2017) Interaktivnyi igrovoy protsess v prepodavanii yuridicheskikh distsiplin [Interactive game process in teaching legal disciplines]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"], 9, pp. 40–43. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://e-kontsept.ru/2017/870007.htm> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
 21. Kolesova D.V., Kharitonova A.A. (2011) Igra slov: vo chto i kak igrat' na urokakh russkogo yazyka [Word game: what and how to play in Russian language lessons]. S-P.: Zlatoust.